

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СУДЬБЕ ИНСТИТУТА БИЕВ В XX ВЕКЕ

THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN ON STATUS OF THE COURT OF BIYSIN XXc

Z. Mazhitova

Annotation

The article reviews the historiography of status issue of the court of biys in Soviet and post-Soviet periods. The researchers state that in the early years, the Soviet government had a tolerant attitude towards the legal institutions of Kazakh society. However, as the system had been further establishing, it liquidated the traditional institutions, including the court of biys. The researchers mention the vitality of the traditional legal institutions even in modern society.

Keywords: modern historiography of Russia and Kazakhstan; common law; biys institution.

Мажитова Жанна Сабитбековна

*К.и.н., докторант,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье рассматривается историография статуса суда биев в советское и постсоветское время. Ученые отмечают, что в первые годы Советская власть терпимо относилась к правовым институтам казахского общества. Однако, по мере своего утверждения, Советы ликвидировали традиционные институты, в том числе и суд биев. Исследователи отмечают живучесть традиционных правовых институтов и в современном обществе.

Ключевые слова:

Российская и Казахская современная историография, обычное право, институт биев.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовало появление новых независимых государств; на смену советской империи пришло Содружество Независимых Государств. В этот период научное сообщество как России, так и Казахстана стало проявлять интерес к национальной истории, выявлять лакуны, которые требовали заполнения после распада СССР, по-новому осмыслять накопленный научно-исследовательский опыт и давать оценку многим явлениям исторического прошлого.

Диапазон научных интересов ученых был достаточно широк. В поле исследования были включены как вопросы присоединения Казахстана к Российской империи (присоединение или завоевание), так и национально-освободительные движения на территории Казахстана (национально-освободительные или феодально-монархические), в стороне от исследований не осталось обычное право казахов и др.

Историки, юристы и представители других гуманитарных направлений науки Республики Казахстан, пытаясь отойти от старых стереотипных концепций, навязанных советской идеологией, начинают в конце 1980-х годов поиск нового концептуального направления при изучении

обычного права казахов, в том числе вопросов особенностей зарождения и развития института биев.

Исследуя институт биев в казахском обществе, авторы хронологически ограничивали свои исследования временем, когда нормы адата повсеместно действовали на территории казахских степей, а суд биев не потерял своего функционального значения, и лишь вскользь упоминая о том, что суд биев потерял свое значение в первые годы советской власти. Исключением среди этих авторов составляет пожалуй лишь одна работа, автором и составителем которой является А.А. Никишенков, который прослеживает историю бийских судов вплоть до полного их исчезновения (конец 20-х гг. XX в.).

Казахстанские исследователи З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова в работе, представляющей значительный научный интерес, прослеживают историю бийского правосудия с момента возникновения и до времени полного уничтожения советской властью, мотивируя свое внимание к истории бийских судов в советское время следующей причиной: "...в юридической литературе создалась парадоксальная ситуация, когда все положительное, что можно было отнести к обычному праву, переносилось на дореволюционный период его существования, а все от-

рицательное – на послереволюционное его бытие. В целом создалось такое впечатление, будто ко времени свершения пролетарской революции в России адат состоял лишь из отживших норм и институтов, которые требовали замены новыми законоположениями. Именно поэтому традиционную правовую культуру кочевников в литературе принято освещать применительно к досоветскому этапу функционирования норм адата" [1, с. 5]. Считая данный подход "искривленным", З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова попытались адекватно отразить историю обычного права в советское время. На основании изучения обширного круга источников (директивных документов советской власти, докладных и обзорных записок чиновников и т. д.), причем большую часть из которых авторы не столько ввели в научный оборот, сколько проанализировали их влияние на ситуацию с обычным правом.

З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова отмечают, что "судьба обычного права казахов была предreshена уже с момента прихода партии большевиков к власти и установления диктатуры пролетариата в Казахстане. Обычное право должно было сойти с исторической арены и уступить место "новому", советскому праву" [1, с. 24].

В контексте этого направления, в политике и деятельности Советов по упразднению обычного права и правовых институтов (суд биев, барымта, калым и т. д.), авторы вычленили 3 этапа.

Первый – с момента установления советской власти до образования Казахской АССР (1917–1920) – новая власть признает обычное право как один из источников права среди казахов. На этом этапе Советы проявляли крайнюю осторожность и внимательность при решении вопросов, касающихся нужд и интересов местного населения: "...данные органы и их представители на местах в основном старались сохранять "нейтралитет" и не вмешиваться (кроме чрезвычайных случаев, обращений населения) в те области и сферы отношений, которые были отрегулированы многовековыми обычаями" [1, с. 29]. Оценивая этот этап, З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова подчеркивают, что терпимое отношение к традиционным институтам народа имело большое значение для становления советской власти в крае.

Второй этап – с момента образования Казахской АССР до конца восстановительного периода (1920–1925) ознаменован более пристальным вниманием партийных и государственных органов к обычно-правовой сфере. Центральными органами КАССР принимается решение о сборе и систематизации норм обычного права, с одной стороны, для его кодификации, с другой – для выявления тех норм, которые не соответствовали принципам социалистического строительства. Именно в рамках этого этапа ученые рассматривают деятельность Учре-

дительного съезда Советов КАССР 1920 г., который имел для норм адата и суда биев решающее значение. Съезд провозгласил идею борьбы с пережитками патриархально-феодалных норм адата, в том числе отмену институтов барымты, куна, калыма, многоженства, амангерства, упразднение суда биев и аксакальских судов.

Бийский суд в годы советской власти носил характер третейского суда. Решение съезда вылилось в циркуляр № 2 "Об упразднении третейских судов" от 25 декабря 1920 г. НКЮ КАССР, который объявил все действующие на территории республики третейские суды "самочинными" и подлежащими "немедленному упразднению" [1, с. 105].

Авторы замечают, что хотя официально существование на территории края третейских судов было запрещено, однако приведенные ими архивные материалы свидетельствуют об обратном. Судя по докладным запискам, которые можно прочитать на страницах монографии, суды биев поменяли лишь название и продолжали действовать как "аксакальские суды" вплоть до середины 20-х гг. Подтверждением этому служит приведенная авторами выдержка из циркуляра № 68 НКЮ КАССР от 30 октября 1925 г., согласно которой судебно-следственным органам предлагалось привлекать к уголовной ответственности аксакалов, занимающихся разбором уголовных и гражданских дел среди населения. Интерес представляют и другие архивные материалы, которые авторы посчитали нужным процитировать в своей работе. Соглашаясь с ними по вопросу важности этих документов, позволим себе небольшую выдержку из них: "В "Отчете о деятельности судебно-следственных учреждений КАССР за 1924–1925 отчетный год" по поводу вопроса об "аксакальских судах" говорилось: "В Уральской губернии за участие в аксакальских судах было осуждено 15 человек.... в Кустанайском уезде имелись еще не разрешенными к 1 октября сего года 2 дела. Сведений о наличности в КАССР религиозных судов не поступило". Председатель народного суда 9-го участка Акмолинской губернии 18 июня 1925 г. на заседании пленума губсуда докладывал, что "аксакальских судов в его районе почти нет" [1, с. 107].

Третий этап – охватывает время с 1925 года до полного исключения применения норм обычного права в судебной практике и превращения их в обычаи, не санкционированные государством (середина 1930-х гг.).

В этом периоде велась дальнейшая борьба с аксакальскими судами на основе общесоюзного уголовного законодательства. В частности, глава X статьи 203 УК РСФСР, введенного в действие Постановлением ВЦИК от 6 апреля 1928 г., гласила: "...присвоение судебных полномочий вынесением решений по обычаю корен-

ного населения (адат и пр.) в нарушении основ советского права, с использованием зависимости сторон, происходящей из отношений родового быта", наказывались исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей [1, с. 107].

Исследователи отмечают живучесть норм обычного права среди советских кочевников (а после сплошной коллективизации "осевших" казахов). Однако мероприятия советской власти привели к искоренению обычных правовых норм как компонента проявлений естественно выросшего механизма самоуправления из обычно-правовых способов регулирования социальных связей между казахами. Ликвидация традиционных институтов казахов не привела к полному забвению их из памяти народа. Они продолжали существовать и в период "махрового" социализма, правда, под другими названиями "советский калым", "советский совет аксакалов" и т. д. Традиционная культура казахов адаптировалась к новым социальным условиям, выработала новые нормы поведения, которые были наполнены новым содержанием, новыми ценностями установками, новым менталитетом народа.

Всегда ли эти изменения носили позитивный характер? Трудно ответить. Однако авторы полагают, что новая правовая ситуация породила и новые формы и виды преступлений, которые раньше не были знакомы традиционному обществу. К примеру, ученые приводят примеры появления и роста преступлений, связанных с изнасилованием малолетних, брак с лицом, не достигшим половой зрелости и т. д., которые не были известны обычному праву. Причины таких аномалий в общественных отношениях, авторы склонны видеть в "...порождениях победившего в Казахстане советского строя, сменившего строй патриархально-родовых отношений" [1, с. 140].

Все без исключения исследователи бийского суда отмечали его удивительную особенность – живучесть, которая несмотря на внутренние и внешние причины воздействия, природно-климатические катаклизмы, человеческий фактор и многие другие факторы, которые на протяжении веков не сломали этот правовой институт казахского народа. И тем более удивительно, что биеведы, отмечая эту особенность института биев, неосознанно, сами того не желая, противоречат своим доводам и выводам. Данный факт легко можно подтвердить, если обратиться к трудам вышеупомянутых авторов – в них бийский суд в лучшем случае доживал свои последние дни в 20–30-х годах XX столетия.

Однако это не так. Народное правосознание цепко держит в своей памяти проверенные веками национальные ценности, аккумулирует их, опирается на них в своем историческом развитии, передает подрастающему поколению. Обращение некоторых российских ученых к изучению существования в современном мире норм непи-

санного права, использования их в повседневной жизни, исследование роли и места аксакальских советов в современном обществе и многих других вопросов правовой культуры казахов свидетельствует о том, что данная тема не исчерпала себя и требует дальнейшего изучения [2].

Необходимо отметить научные работы известных этнологов Е.И. Лариной, О.Б. Наумовой [3], в которых наряду с общими вопросами этнокультурной жизни российских казахов, рассматриваются проблемы народного самоуправления. Работы интересны тем, что они основаны на сведениях информаторов, поэтому выводы и положения авторов заслуживают научного внимания сообщества.

Распад Советского Союза (1991) повлек за собой стихийные миграционные потоки из обеих республик. Авторы, привлекая большой этнологический материал, показали, что для многих казахов переезд в те годы на историческую Родину повлек изменение не только правового статуса, но и изменение укоренившихся жизненных установок. Для превращения миграционного оттока населения в организованный поток не последнюю роль сыграли так называемые авторитетные пожилые мужчины – президиум курултая, который взял в свои руки вопросы организации и обустройства односельчан на новом месте [4].

Одним из современных возрождаемых институтов (правда, как отмечают сами авторы, не во всех казахских населенных пунктах) является совет старейшин, или совет аксакалов. Авторы сразу оговариваются, что проводить прямые параллели между ним и судом биев не стоит. Связано это с тем, что, с одной стороны, хотя нынешние советы и унаследовали некоторые черты традиционных социальных институтов, однако с другой, они не выполняют судебных функций.

Как считают авторы, одной из причин появления этого института в постперестроечное время стала потребность формирования этических норм в обществе, которые "казалось бы, ушли из поля зрения общества, представления о социально допустимых нормах поведения размывались. Однако именно это размывание побуждало общество к самоорганизации. В казахской среде формой такой самоорганизации и стали советы старейшин" [5, с. 87]. Действительно, приведенный в статье этнологический материал позволяет говорить о широких полномочиях данных советов (мечетный и поселенный). Они выполняют функции регулирования повседневных вопросов односельчан, охватывающие хозяйственные и социальные вопросы, занимаются вопросами "общественного порицания тех, кто выходит за рамки этических и поведенческих норм, которые совет считает необходимым сохранять, и морального давления на нарушителей" [5, с. 94], активно сотрудничают с районной администрацией.

Деятельность тех или иных советов зависит от размера населенного пункта: чем крупнее район, тем менее активно действуют традиционные органы управления. Однако авторы уверены, что "совет старейшин – весьма эффективный орган формирования общественного мнения, государство это понимает и использует его в своих целях" [5, с. 95].

О живучести "правового нигилизма", под которым подразумевается контроль повседневной жизни граждан не государственным законодательством, а неписанными законами, говорится в книге известного историка В.В. Бочарова [6]. Этот ученый известен научной общественности своими трудами в области социально-культурной антропологии: политической антропологии, антропологии права (юридической антропологии), антропологии возраста. Цитируя слова известного крестьяноведа Т. Шанина: "Одолеть упорную пассивность крестьян в этом вопросе оказалось не под силу даже самым страстным реформистам из числа законодателей и чиновников, словом, "неписанный закон" остался практически неизменным, пройдя через бури глубоких реформ революций и контрреволюций" [7], автор заявляет о том, что в современном мире все чаще стали появляться призывы о возврате к примирительным процедурам, к примеру, в сфере конфликтов в семье и др. Ведь, по мнению ученого, в основе правопонимания народов мира лежит принцип не "торжество закона", а "мир и согласие": "Примирение же, в свою очередь, всегда осуществляется при посредстве

ценностей конкретной культуры, которые лежат за пределами закона" [6, с. 47].

Реформы нанесли удар по суду биев, однако он не потерял своей актуальности ни в советское время, ни на современном этапе.

Многие вопросы суда биев остались до сих пор малоизученными, требующими внимания ученых. Отрадно, что российские ученые обращают свое внимание на изучение этого социально-правового явления на современном этапе. Думаем, что и перед казахстанской наукой должны быть поставлены задачи проведения сопоставительного анализа между судом биев и аксакальскими советами, с целью выработки рекомендаций для использования позитивного опыта бийского института в настоящее время.

Полагаем, что настало время для изучения живучести "неписанного права" в современном обществе. Насколько нормы обычного права влияют на законодательство и живут в убеждениях людей, и, соответственно, влияют на стереотипы поведения. Это позволит выявить не только характерные черты "живого права"* , но и понять механизмы и причины селективного отбора народной памяти тех регуляторов, которые служат основанием для жизнеспособности народа.

* Этот термин введен в 1913 г. австрийским правоведом Е. Эрлихом в работе "Основы социологии права".

ЛИТЕРАТУРА

1. Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917–1937 гг.). Алматы: Гылым, 1993. 143 с.
2. Мальцев Г.В., Шапсугов Д.Ю. Предисловие // Обычное право в России: проблемы теории, истории практики. Ростов–на–Дону: Издательство СКАГС, 1999. 368 с.; Новикова Н.И. Правовые обычаи коренных народов Севера: кто напишет правила для оленеводов // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М.: Стратегия, 2003. 320 с.; Супатаев М.А. Обычаи и традиции коренных малочисленных народов в правовой системе России // Структура права: вопросы теории, истории и методологии: Материалы межвузовской научной конференции. 7 апреля 2004 г. М.: Изд-во РУДН, 2005. 176 с.; Бейтуганов А.З., Думанов Ф.Х. Обычное право кабардинцев: проблемы исследования на современном этапе // Обычное право народов северного Кавказа. Ростов–на–Дону: Изд-во СКАГС, 2006. С. 23–35; Магомедов Ш.Б., Рамазанов А.Х., Исмаилов М.А. Итого и перспективы исследования обычного права Дагестана // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов–на–Дону: Издательство СКАГС, 2006. С. 36–49; Небрятенко Г.Г. Обычное право донских казаков: вчера, сегодня, завтра // Там же. С. 55–67; Нефедов В.Н. Обычное право адыгов и казаков Северо–западного Кавказа: итоги и перспективы исследования // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов–на–Дону: Изд-во СКАГС, 2006. 164 с.; Таказов Ф.М. Эволюция правовой культуры народов Северного Кавказа // Материалы республиканской научно–практической конференции. Владикавказ, 2012. С. 86–97; Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА–М, 2014. 736 с.; и др.
3. Наумова О.Б. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1991. 24 с.; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 85–97; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош–агачские казахи–мигранты // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 45–65; Ларина Е.И., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Россия и мусульманский мир. 2008. № 6. С. 63–77; Ларина Е.И. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101; и др.
4. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош–агачские казахи–мигранты // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 45–65.
5. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 87.
6. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2–е изд. СПб.: Издательство АИК, 2013. 328 с.
7. Цит. по Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2003. № 2. См.: [Портал "Журнальный зал"]: URL: http://www.magazines.russ.ru/oz/2003/2/2003_28-pr.html.